

**Источники**

Шукшин В.М. Собрание сочинений в 6 томах. М., 1998.

**РОМАНЫ К.Я. ЛАГУНОВА «БОЛЬНО БЕРЕГ КРУТ»,  
«ОРДАЛИЯ» И «ОДЕРЖИМЫЕ» В ПАРАДИГМЕ ЭКОЛОГИИ  
ЛИТЕРАТУРЫ**

*И.Е. Белякова, Е.В. Плахина*

**Ключевые слова:** литературная экология, Сибирь, нефтегазовая отрасль, К.Я. Лагунов, роман, культура, концептуальная метафора, прогностический потенциал.

**Keywords:** literary ecology, Siberia, oil and gas industry, K. Lagunov, novel, culture, conceptual metaphor, prognostic potential.

С распространением экологии в сферу культуры, искусства и, в частности, литературы, формируются направления под названием «литературная экология» (literary ecology) и «этика текста» (ethical reading). В них текст рассматривается как один из экологических объектов наравне с объектами естественной (природа) и искусственной (все, что создано человеком) окружающей среды. Природа образует материальное экологическое пространство, а текст – ментальное.

Экологический подход должен стать альтернативой инструментальному подходу, направленному на достижение целей даже ценой разрушения исследуемого объекта. Принципы экологического мышления необходимы в общих процессах жизнедеятельности, интеллектуальном творчестве, а также мыслительной деятельности, утверждает М. Эпштейн. Наша среда обитания – это не только природная среда, жизненная, но и мыслительная. Между тем, ноосфера (область разума) загрязнена отходами интеллектуального производства. Необходимо осознание того, что самые важные ценности – любовь, красота, жизнь, природа, способность очаровываться единичным, неповторимым, своеобразным. Эти ценности создают новую духовную среду, сферу мудрости и любви, понимания и согласия между всеми существами, живущими на Земле, Софиосферу, как называет ее М. Эпштейн [Эпштейн, 1988, с. 383], сферу Прекрасного, добавим мы от себя, где Прекрасное

трактуются как духовная сущность, в отличие от красивого, имеющего материальную природу.

По мнению М. Эпштейна, принципы такого мышления распространяются помимо природы на общество и культуру. Ученый пишет о необходимости соблюдать экологическую чистоту не только в природе или видах жизнедеятельности человека, но и в сфере мыслеформ. «Культура – это не одни лишь законченные произведения, памятники старины, которые мы должны хранить. Культура – это и современное интеллектуальное творчество, мыслительная деятельность» [Эпштейн, 1988, с. 382].

Интересно, что подобные идеи находят отклик и в западной лингвистической мысли, коренящейся в культуре материализма, жесткого индивидуализма и конкуренции. Так, канадская исследовательница Лорейн Коуд (Lorraine Code) заявляет о необходимости альтернативной эпистемологии для общества, по ее словам, «зараженного» вирусом совершенства и тотального контроля. Имеется в виду экологическое мышление (*ecological thinking*), направленное на развитие концептуальной основы для такой теории познания, которая будет гуманной, чувствительной и способной понимать и принимать историко-географическое и культурное разнообразие. Для этого требуется создание альтернативного ментального жизненного пространства (*habitus*), которое будет экологически-ориентированным и сознательно альтруистическим. Это возможно только с помощью литературы как формы искусства [Code, 2003, с. 21].

Литература активизирует экологическое мышление с помощью художественных средств, позволяющих читателю осознавать и даже визуализировать то, что он не может увидеть в реальности. Кроме того, литературное произведение способно воплощать потенциально возможные варианты развития будущего и давать шанс прочувствовать и пережить его с тем, чтобы дать ему этическую оценку и определить его желательность в будущем всего человечества.

Немецкий лингвист, литературовед Х. Цапф (H. Zapf) приписывает литературе функцию создания пространства для критического восприятия современной цивилизации, а также источника креативного культурного самообновления. Художественное литературное произведение является той средой, в которой социальные, политические, экономические и прочие явления, события и процессы реальности отражаются, интерпретируются и прогнозируются. Общие экологические процессы жизнедеятельности, т. е. все процессы, необходимые для поддержания жизни живого мира,

его физического, интеллектуального и духовного развития, не просто отражаются в литературе, а трансформируются, развиваются и преобразуются в нечто новое благодаря силе воображения писателя. Средством обработки и переработки информации из мира реального в художественный выступают эстетические механизмы представления реальной или вымышленной действительности в произведении. Художественный текст проявляет свою экологическую функцию в качестве ведущей силы, структурирующей отношения между природой и культурой [Zapf, 2001, с. 85], а также, представляется, между человеком и окружающим миром.

Это находит подтверждение в том, как литературный текст формирует мысли, образы, понятия, чувства и эмоции и сеть связей между ними, а также какую эстетическую тональность они получают. От них будет зависеть общий когнитивный фон восприятия текста читателем. Корректность расстановки эстетических акцентов, положительной либо отрицательной оценки действительности с экологической точки зрения является критерием культурно значимого текста [Лотман, 2000] или культурно устойчивого текста (по Цапфу). Таким образом, художественный текст, входящий в канон национальной литературы, вносит вклад в формирование этических и эстетических ценностей нации, тем самым гарантируя себе «вечную» актуальность и интерес читателя.

Итак, художественный текст может считаться экологическим, если он находится в рамках парадигмы экологического, гуманного, мышления, в нем создается особое экологически-ориентированное и сознательно альтруистическое ментальное пространство, которое 1) взаимодействует с реальным посредством художественных средств, 2) имеет определенную эстетическую тональность, 3) характеризуется корректной этической оценкой явлений, событий и процессов и 4) обладает прогностическим и трансформационным потенциалом влияния на когнитивную сферу читателя.

На наш взгляд, романы известного сибирского писателя К.Я. Лагунова «Ордалия» (1970), «Одержимые» (1966–1973), «Больно берег крут» (1972–1978) о жизни и судьбе пионеров освоения нефтяных богатств, несомненно, имеют региональную экологическую ценность и являются культурно значимыми текстами для нефтедобывающего края Сибири.

Тематическое пространство романов основано на описании взаимоотношений первопроходцев нефтегазовой отрасли, которые в сложных климатических и бытовых условиях осваивают новые земли. С одной стороны, ими движут корыстные цели зарабатывания больших

денег «У него буровик – шестьсот рублей в месяц, как минимум. Не всякий профессор столько-то... Рубль, конечно, погоняло испытанный...» [Лагунов, 1982, с. 202]. С другой – это испытание, приключение, так необходимое в жизни каждого мужчины: «Как же не углядела, не угадала она в Гурии бациллы одержимости. В этом бредовом Турмагане все – не дыбом, так кубарем, даже у нее порой замирало сердце от неизъяснимого ощущения взлета. Дивно ли, что за годы турмаганской жизни одержимость проникла в кровь и мозг Гурия» [Лагунов, 1982, с. 31].

О причинах, приведших людей в сибирскую тайгу, автор пишет следующее: «Пресса, радио, телевидение и кино трубили и трубили о сибирском чуде, славили на все лады первопроходцев, а вербовщики сулили баснословные заработки, расписывали красоты дикой природы, и каменщики, маляры, буровики, вышкомонтежники, бетонщики, арматуристы, крановщики, бульдозеристы и еще бог знает кто отовсюду ехали сюда, летели, плыли. Были тут и совсем зеленые желторотики, и уже обдутые, потертые и вовсе поношенные. Одни ехали за биографией, другие – за счастьем, третьи – за рублем, а иные просто потому, что им не сиделось в обжитом тихом гнезде, хотелось покоя, риска, перегрузки» [Лагунов, 1982, с. 44]. Были и те, кто «искал укрытий... от собственных ошибок. От разочарований...» [Лагунов, 1982, с. 39].

Смысловое пространство романов наполнено конфликтами между начальниками и подчиненными, женами и мужьями, родителями и детьми, друзьями и недругами. Благодаря их решению происходит осмысление таких ценностей, как любовь, дружба, долг, супружеская верность, ответственность, самопожертвование, забота об окружающих, о природе. Только долг и дружба помогли героям преодолевать трудности природы: «От лютых холодов крошились стальные зубья экскаваторов, рассыпались бульдозерные резцы, рвали на куски трубы. Но осатанелые люди работали. Крылы непечатно мороз, кляли нестойкую к холодам технику, костерили на чем свет нерадивое начальство, а сами копали траншеи, клали лежневки, тянули электролинии и нефтепроводы. И в этом яростном труде разноплеменная, всевозрастная, одичавшая от бродяжеского быта толпа превращалась в лихую дружную рабочую артель, где все – за одного, а дело – на первом плане» [Лагунов, 1982, с. 11].

Еще один пример для иллюстрации бытовых трудностей: главный герой обустраивает жилье и готовится к приезду жены и сына. «Под жилье себе Бакутин облюбовал новенький серебристобокый металлический балок-вагончик (см. рис. 1. – И.Б. и Е.П.) – два

махоньких, шестиметровых, купе, разделенных узким коридорчиком, где стоял котел парового отопления. В купе слева от входа белела пока единственная на всем Обском Севере газовая плита, сверкал эмалью холодильник, отливал густой зеленью крохотный, крытый пластиком столик, обставленный четырьмя кукольными табуреточками. Тут предполагалось быть и кухне, и столовой, и гостиной. А противоположное купе предназначалось для спальни. К стенам приделаны три спальные полки: две рядом, третья – наверху, для сына. Ее Бакутин сам окантовал металлической сеткой, чтоб малый, заспавшись, не свалился. Между полками–постелями супругов втиснулся квадратный столик. Над ним – круглое зеркало, а еще выше копия «Весны» Пластова. Под одним оконцем – электрокамин, под другим – уголок сына». Вот жена Ася с сыном заходят в новый «дом»: «Ася мигом переделалась в легкий нарядный халат, переобулась в туфли-лодочки, поправила прическу и стала еще моложе, еще красивей, а затонувший в грязи балок с деревянной угловатой теснотой вмиг превратился в уютный желанный уголок, где даже гвоздь в стене ласкает и радуется взгляду» [Лагунов, 1982, с. 13].



Рис. 1. Балки и домики газовиков Надыма (начало 1970-х годов). Фото из личного архива И. Захаровой.

Удивительно точно подмечает К. Лагунов как мужские, так и чисто женские проблемы: *«Счастье женщины – не только в труде. Не только в борьбе. Ася повидала на своем веку немало подобных “счастливиц”. В шесть утра – подъем, в полночь – отбой. Спозаранку у плиты, марш-бросок в ясли, бег трусцой на завод или в контору. Долгожданное воскресенье на стирку и генуборку. И так изо дня в день. Из месяца в месяц. Из года в год. Как заводная. А муж ворчит на отсутствие общих интересов, на любовную безответность и холодность и все чаще удирает из дому... Спаси, сохрани и помилуй от такого счастья эмансипированной женщины.*

*Женщина должна украшать, облагораживать, любить и быть любимой. Да, и работать, конечно. Но в меру. Без перегрузок»* [Лагунов, 1982, с. 30].

На страницах романов автору удается доказать читателю, что счастье и человечность в отношениях возможны даже в экстремальных условиях. Описанные им несчастные случаи, аварии, гибель людей и животных только усиливают осознание этого.

Взаимодействие произведений с окружающей действительностью наблюдается в двух планах: 1) актуальность поднимаемой проблематики для наших дней (развитие промышленности, строительство городов, проблемы сохранения экологии, человеческие взаимоотношения, коррупция, отношения между властью и народом, воспитание преемников); 2) прогнозы будущего, реализовавшиеся в настоящее время, на которых мы остановимся подробнее.

Написанные на заре становления нефтегазодобывающей промышленности в регионе, основанные во многом на архивных данных и развертывающиеся в конкретных регионах Тюменской области (в измененных названиях населенных пунктов узнаются реальные топонимы) эти произведения – синтез утопических, фантастических и реалистических образов будущего Сибири. Изначально казавшиеся несбыточными идеи покорения Севера и нефтедобычи в суровых условиях сначала переходят в статус гипотетически возможных, потом находят научное подтверждение, а затем реализуются в жизни.

Автор описывает встречи ученых, рабочих и партийных чиновников, где обсуждались две точки зрения: а) нефть есть, и ее нужно искать; б) бесперспективность поиска нефти на Севере Сибири. Парадоксальность заключалась в том, что власть требовала от ученых точных расчетов по прогнозам нефтедобычи, а когда их получала, не верила цифрам, считая их завышенными, иллюзией, фантастикой, спекуляцией на вере в будущее.

*«Сейчас к нам валом валят братья писатели. А три года назад их сюда никакими коврижками было не заманить. В то время наверху в нашу нефть почти никто не верил. Считали – зря тратим деньги и силы. Утопистами, фантастами, а то и пустобрехами клеймили. Десять лет ползали мы по тайге впустую... В шестьдесят первом я был начальником Шанской экспедиции. Приехал к нам представитель Главгеологии. Сунул нос на буровую, посмотрел прогнозную карту и вот тебе окончательный приговор: свертываться, перебазироваться. Мы под приказом расписались, а сами бурим. Мне выговор, а мы бурим. Начальник главка назвал меня хулиганом и предупредил: в трехдневный срок не выполню приказ – снимут с работы, отчислят из системы Главгеологии. А мы опять бурим. В день моего снятия ударил первый фонтан. Да какой! ...» [Лагунов, 1999, с. 64].*

С точностью ученого К. Лагунов излагает сложнейшую и уникальную на тот момент идею установки буровой в фантастически тяжелых климатических условиях, а затем ее реализацию, поднимает острые вопросы утилизации попутного газа, ликвидации горящих факелов, бесцельного сжигания нефти нерентабельных скважин, разрушения экосистемы таежных болот, отсутствия технологий дорожного и домостроительства, неустроенности быта. В то время ответа на эти вопросы не было: ученым еще предстояло разработать все технологии и методы нефтегазодобычи и строительства на Севере.

*«Надо было немедленно, всеми силами готовить посадочную первую десанту нефтяников в Турмагане, но вместо этого туда выбросили сам десант. У недоношенного и хилого Турмаганского нефтепромыслового управления не было ничего для промышленной добычи нефти, зато в кармане начальника НПУ, коммуниста Бакутина, лежал всеми инстанциями утвержденный план, где кривая добычи ракетой устремилась ввысь и, начав с миллиона тонн в 1965-м, через десять лет должна была достигнуть фантастического рубежа – сто миллионов! А где было взять нужные для такого взлета рабочие руки? Куда поселить владельцев этих рук?» [Лагунов, 1982, с. 23].*

С одной стороны, ученые-теоретики, рассуждающие о местах залегания нефти, с другой – геологи, ведущие безуспешные поиски, и буровики, бурящие километры скважин, раз за разом оказывающихся бесперспективными, с третьей – партийные работники из центра, уже спускающие сверху невероятные планы добычи нефти, взятысь реализовать которые без соответствующей инфраструктуры, квалифицированной рабочей силы и, самое главное, скважин с высоким дебитом мог только утопист или фантаст. Так зачастую и

называет в своих романах К. Лагунов нефтяных первопроходцев Сибири, совершающих *«невиданно дерзкий, полужантасический поединок с болотами, тайгой, стужей»*, который окрестили *«чудом XX века»* и о котором *«вскоре загомонил весь мир»* [Лагунов, 1982, с. 22–23]. Труд в жестких условиях тайги, необустроенность быта заставляли людей совершать ежедневные подвиги (работа на постоянно ломающемся оборудовании, доставка жизненно важных грузов на буровую в любых погодных условиях, транспортировка травмированных на производстве и больных), создавали трудности в семейной жизни (отсутствие нормального жилья, садики для детей, мест отдыха, пристрастие к выпивке /за неимением возможности занять себя чем-то иным/), разрушили брак не одного героя изученных романов.

В ходе обустройства Севера родилась и мысль о сотворении идеального города в болотах близ Мертвого озера. Идея создания города будущего является «бродячим» мотивом, встречающимся в научных и литературных произведениях авторов разных стран и эпох (Л. да Винчи, Т. Мора, Т. Кампанеллы, Ж.-Ж. Руссо, К.-Н. Леду, Р. Брэдбери, А. Грина и др.). Но именно в текстах К.Я. Лагунова это не кажется недостижимой целью, поскольку люди уже совершили невозможное: покорили сибирскую тайгу, нашли нефть.

Славгород, а именно так автор называет в своих романах этот город, должен стать свидетельством признания заслуг, доблести, таланта, где все объединены стремлением к труду, к новым достижениям, к духовному росту. Создание *«блистательного стольного града сибирских нефтяников»* [Лагунов, 1976, с. 388] гармонично вписывалось в общую идею построения светлого коммунистического будущего.

Славгород – не просто расплывчатый иллюзорный образ, а вполне реалистичный, обладающий характерными конкретными чертами, *«огромный, современный город... С нефтехимическим комплексом, электричками, театрами, университетом... К нему стекутся со всех месторождений десятки трубопроводов, и отсюда хлынет поток сибирской нефти. К нему сойдутся тропинки, дороги, авиалинии и речные пути, которые привели нас к нефтяному гиганту. Дорога в Славгород – дорога к нашей очень трудной и дорогой победе. Над тайгой, над маловерами, над собственными слабостями...»* [Лагунов, 1999, с. 66].

Этот город еще долгое время оставался только мечтой – не было технологий добычи и транспортировки нефти, дорожного и домостроения в условиях вечной или почти вечной мерзлоты. Хотя



стремительная «кавалеристская атака» на недра задавала темп и строительству города: *«Не пройдет и пяти лет, как здесь будет первоклассный и мощнейший в стране нефтепромысел, а на месте Белоярья поднимется город нефтяников. И это болото будет только попискивать под бетоном. А мы с вами приедем к Мертвому озеру на «Волге» по автостраде, а сюда прямо из Москвы полетят и «Ту», и «Илы». Это не фантастика – трезвый расчет. Стране нужна нефть»* [Лагунов, 1976, с. 380].

Многое из того, что на момент выхода романов казалось фантастикой, воплотилось в жизнь: это и нефтяные месторождения, нефте- и газопроводы, нефтеперерабатывающие заводы, а также города-красавцы, отстроенные на севере Тюменской области (Нижневартовск, Сургут, Шаим, Когалым, Новый Уренгой, Муравленко и др.).

Таким образом, наблюдается взаимодействие между сегодняшней реальностью и реальностью, созданной в исследуемых произведениях К. Лагунова, в которых силой воображения писателя нарисовано наше настоящее.

Читателям, живущим в XXI веке, будет интересно и описание облика Тюмени, нефтегазовой столицы региона, в романах К. Лагунова. *«Областной Туровск<sup>1</sup> шестьдесят пятого не имел ни одного современного, красивого, удобного здания. Только в центре, вокруг единственного обихоженого пятачка, выстроились хоть и старомодные, зато добротные здания обкома партии, облисполкома, геологоуправления и пединститута, а в любую сторону от этого пятачка сразу начинались допотопные улочки с неровными шеренгами разномастных домов, покосившихся, вросших в землю, лишь кое-где раздвинутых аляповатыми, неустойчивыми на вид крупнопанельными пятиэтажками. Убожество давно переживших свой век строений дополнялось хлипкими, танцующими под ногами дощатыми тротуарчиками и немощеными дорогами. Весной и осенью кривые, узкие улицы тонули в первобытной грязи, летом их окутывала едкая, горячая пыль, а зимой по окна заваливало снегом, который скоро чернел от копти множества труб. Правда, на восточной окраине города ускоренными темпами строились собственные четырехэтажные “Черемушки”, но строились почему-то без ливневой канализации, с узенькими улочками и тропками-тротуарчиками»* [Лагунов, 1982, с. 24]. *«Наружность города в описываемый период мало чем отличалась от дореволюционной. Те же*

<sup>1</sup> Город на реке Тура, то есть, вероятно, областной центр – Тюмень.

*разномастные деревянные дома, домики и домишки, с палисадниками, высокими заборами, приворотными скамьями, тесно облепленными малоречивыми древними старухами... Лишь на несколько дней в году природа преображала захолустный городок, и тот становился по-настоящему красивым, романтическим. Это случалось на стыке весны и лета, когда окутывала деревья молодая яркая зелень, а в палисадниках и скверах расцветала сирень, черемуха, яблони...» [Лагунов, 1976, с. 31] (см. рис. 2, 4)*



*Рис. 2. Главная улица Тюмени – Республики – конца 1970-х начала 1980-х годов. Фото из личного архива О. Гостевой.*



*Рис. 3. То же место. Тюмень. Наши дни. Фото И. Беляковой, Е. Плахиной.*

Сейчас Тюмень приобрела совершенно иной вид (см. рис. 3, 5), и прогресс в сфере благоустройства очевиден.



*Рис. 4. Тюмень конца 1970-х – начала 1980-х годов. Вид заречной части города. Фото из личного архива О. Гостевой.*



*Рис. 5. Тот же вид. Тюмень. Наши дни. Фото И. Беляковой, Е. Плахиной.*

Что касается художественных средств исследуемых романов, они разнообразны и включают все основные стилистические приемы: сравнения, эпитеты, олицетворения, метафоры. Красивы описания таежной природы с использованием развернутой метафоры с эпитетами и сравнениями: «...солнце, словно огрузнев, пошло вниз. Тени от деревьев, недавно еще такие густые, растаяли, будто их кто слизнул с земли. Солнечные лучи, не касаясь поляны, заструились верхом, как косой дождь, и воздух стал золотисто-зеленым» [Лагунов, 1976, с. 390]. Однако спокойствие в тайге не может длиться долго, дикая природа остается опасной для человека: «Выкатилась из-под облачка лимонная долька месяца. Под ее холодным, зеленовато-желтым сиянием поляна приняла зловещий вид... И лес – непроницаемо-мрачный и грозный – как будто ожил и бесшумно двинулся к центру поляны, все теснее смыкаясь вокруг одинокой палатки. Казалось, еще миг – и ее вместе с укрывшимся там человеком поглотит тайга» [Лагунов, 1976, с. 391]. «В причудливые волнующие аккорды слетались голоса пробудившейся природы: гул ветра, рокот реки, картавый говорок ручьев, шальные крики птиц, шурушанье неокрепших крыл летучих насекомых» [Лагунов, 1982, с. 4].

Чрезвычайно метафорично описание момента открытия нефти: «Тогда и сибили пробку с кремневой подземной бутылки, в которой миллионы лет корчился нефтяной исполин». Произошло действительно «местоРОЖДЕНИЕ», когда нефть – олицетворяется и превращается в «нефтяного младенца» который, «хрипя и кряхтя от натуги, вылезал и вылезал из подземного плена...» [Лагунов, 1982, с. 23].

Вообще метафора в экологической теории литературы важна с той позиции, что метафорическая концептуализация природных и смежных явлений помогает человеку тоньше прочувствовать природу, глубже осознать ее законы и оценить ущерб, наносимый окружающей среде [см., например, Killingsworth, 2006; Chisholm, 2011; Watson, 2014]. Если, согласно К. Лагунову, нефть – младенец, то земля – мать. Такое понимание ведет к совершенно иному ее восприятию, отношению и оценке, чем когда мы концептуализируем землю как нечто у нас под ногами, по чему мы ходим. Когда в сознании человека земля будет ассоциироваться больше с матерью, чем с полом, вероятно, он и ходить и ездить по ней будет осторожней, чтобы не навредить, не будет мусорить, уничтожать все, что на ней растет и в ней содержится. Это идеал, к которому призывают борцы за экологию. Законы и штрафы, конечно, меняют ситуацию, но преобразования, идущие внутри, происходящие в сознании человека, могут гораздо эффективнее корректировать его экологическое поведение.

Все проблемные события и ситуации в романах получают корректную с точки зрения экологического поведения оценку. Это касается осуждения и порицания халатности со стороны начальства, неравного распределения материальных благ между вышестоящими и нижестоящими по рангу, взяточничества, кумовства, эгоизма, выпячивания материального достатка, супружеских измен, подлости, и, конечно же, потребительского отношения в первую очередь к окружающей природе.

Официально разговоры о негативном влиянии нефтегазодобывающей промышленности на природу в 1960–70 годах еще не велись, но в литературных произведениях К.Я. Лагунова проблема не просто обозначена, а получает этическую оценку (см. В.А. Рогачева «про уродливые перекосы в развитии Тюменского нефтегазового комплекса», про «варварское отношение к природе» [Рогачев, 1999, с. 4]).

В романах К.Я. Лагунов рассуждает о сложных взаимоотношениях человека и природы устами своих героев: *«Надо не повелевать, а постигать природу, приспособливаться...»*, но в ответ слышится позиция, которая была на то время основной: *«Человек – царь природы. Цари не приспособливаются»* [Лагунов, 1976, с. 12], а потому, невзирая ни на что, *«замеряй месторождения, клади нефтепроводы, строй комбинаты»* [Лагунов, 1976, с. 18].

Но иногда даже те, кто с остервенением боролся с тайгой, с болотами, с непогодой, задумывались: *«Найти нефть – не все. Нельзя по пути к ней растерять веру в добро и человечность. От нехватки добра скудеют души, хиреют, ссыхаются. Сам добра не вижу, другим – не делаю. Мы должны быть добрыми – к товарищу, к дереву, к зверю, к машине, иначе – временщики, рвачи, браконьеры!»* [Лагунов, 1976, с. 48].

Автор отмечает, что с началом добычи возникло множество экологических вопросов: Как избавиться от горящих нефтяных факелов? Как утилизировать попутный газ? Куда девать нефть с пробных, нерентабельных, скважин, которая попросту сжигалась? Что делать с разрушаемой экосистемой таежных болот? Ответов на эти вопросы не было, ученые только приступали к их поиску, однако выделять на это средства никто не собирался.

В романе «Больно берег крут» один из героев утверждает, что нежелание изменить отношение к природе объясняется нежеланием лишних хлопот, а вовсе не их непониманием: *«У всех горит»* – так, используя риторическую фигуру обобщения, объясняет горящие факела начальник [Лагунов, 1982, с. 81]. Но однажды на буровую

приехала канадская делегация и предложила: *«Вы, мистер Бакутин, могли бы внести реальный вклад в подогрев советско-канадских отношений... Подарите мне вот этот факел. Я поставлю здесь газово-бензиновый завод. Тяжелые фракции через Ледовитый океан самолетами домой. И атмосфера станет чище, и природные богатства пойдут в дело, и положительный дипломатический шаг...»* [Лагунов, 1982, с. 323]. В то время совместные, а тем более в иностранном владении, предприятия не поощрялись, и герой Лагунова, чтобы не ударить в грязь лицом, обещает: *«Приезжайте к нам годика... ну... через три-четыре... Этих факелов не будет, – с запинкой и не очень твердо сказал Бакутин.*

– *Фантастика! – прорвался мистер Стивенсон.*

– *Утопия, – поддержал своего секретаря мистер Старк.*

– *Поживем – увидим, – сердито пробормотал Бакутин»*

[Лагунов, 1982, с. 324].

В ходе анализа художественных произведений К. Лагунова нами было установлено, что этическая система координат, в которой существует смысловое пространство трех проанализированных романов, полностью соответствует современной экологической парадигме восприятия художественного текста. Конфликтное, полное внутренних противоречий состояние героев позволяет им развивать в себе и утверждать такие жизненные ценности, как любовь, дружба, верность, долг, ответственность перед другими и перед природой. Художественные средства трех текстов силой воображения автора концептуализируют жизненный опыт и систему восприятия окружающего мира героев, рисуют картины будущего развития нефтегазовых регионов Сибири, тем самым вступая в диалог с настоящим и приводя к переосмыслению материальных ценностей и утверждению ценностей гуманизма, альтруизма и гармонии.

Поколение людей, в них описываемых, совершенно не похоже на сегодняшнее. Невозможно представить, чтобы в современном обществе потребления нашлись люди, готовые рисковать жизнью в суровых климатических условиях, отказаться от комфорта и материальных благ цивилизации ради покорения неизведанного. Это прошлое уже стало историей, которую можно и нужно изучать по романам К. Лагунова. Проблемы взаимоотношения людей, а также экологические проблемы все еще стоят на повестке дня, делая эти романы актуальными и сегодня.

## Литература

Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. М., 1986.

Леду К.-Н. Архитектура, рассмотренная в отношении к искусству, нравам и законодательству. М., 2003.

Лотман Ю.М. Семносфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров: Статьи; Исследования; Заметки. М., СПб., 2000.

Рогачев В.А. На стремнине реки времени: вступительная статья к роману «Ордалия». Тюмень, 1999.

Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М., 2002.

Эпштейн М.Н. Экология мышления: Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX–XX веков. М., 1988.

Code Lorraine. Ecological Thinking: The Politics of Epistemic Location. New York: Oxford UP, 2003.

Chisholm Dianne. The Art of Ecological Thinking: Literary Ecology. University of Alberta. 2011.

Killingsworth M.J. Maps and Towers: Metaphors in Studies of Ecological Discourse. 2006.

Watson E. Love, Loss, and Water: A meditation on a Metaphor. 2014.

Grabes H. Literature as Cultural Ecology: Notes Towards a Functional Theory of Imaginative Texts With Examples from American Literature. Tübingen, 2001.

#### Источники

Грин А. Бегущая по волнам. Чебоксары, 1988.

Лагунов К.Я. Больно берег крут: роман. Свердловск, 1982.

Лагунов К.Я. Одержимые: роман. Свердловск, 1976.

Лагунов К.Я. Собрание сочинений: в 3-х тт. Ордалия. Тюмень, 1999. Т. 1

Мор Т., Кампанелла Т. Утопия: Город Солнца. Сер. Проза великих. М., 2014.

Bradbury R. Fahrenheit 451. СПб., 2001.

## «МИР СОФИИ» Ю. ГОРДЕРА: ОСОБЕННОСТИ РЕЦЕПЦИИ РОМАНА В РОССИИ

*В.А. Смирнова*

**Ключевые слова:** рецепция, рецептивная эстетика, горизонт ожидания, постмодернизм, Ю. Гордер,

**Keywords:** reception, reception aesthetics, horizon of expectation, postmodernism, J. Gaarder

Юстейн Гордер (норв. Jostein Gaarder) – известный современный норвежский писатель и публицист, чьи книги переведены на многие языки и изданы в разных странах мира общим тиражом в десятки миллионов экземпляров. Самым известным произведением Гордера